

Алексей Гридин

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧЕЙ ЭТО ДОМ?

Матвей не любил центр.

Да, красиво. Да, широкие улицы. Да, история на каждом шагу. Но почему-то все это его подавляло.

И вычурные старинные дома, которым, по мнению Матвея, не хватало скромности — они бесстыдно выставляли себя напоказ: вот я какой, фотографируйте меня, фотографируйте! И холодные, строгие, безжалостно прямоугольные и бездушно лаконичные современные здания — этим даже показать нечего.

Работать здесь — сомнительное удовольствие. Охранники смотрят на курьеров в лучшем случае брезгливо, а в худшем — как на врагов народа, на прокаженных.

А еще есть знатоки, которые не умеют нормально говорить по-русски. У них через слово — ротонда и бельведер, готика и барокко. Матвей всегда неловко чувствовал себя рядом с такими людьми.

Но заказ есть заказ. Нужно срочно отвезти документы в резиденцию губернатора. А это значит, что придется пройти мимо того самого дома, который невозможно не заметить и который постоянно фотографируют туристы. Как его там? Дом Северинова? Дом Севрюкова? Хотя... Дом Севастьянова, конечно. Впрочем, Матвею, если честно, было на это плевать.

Напарник Коля, который работал в той же курьерской службе уже третий год и считал себя настоящим гуру, предупредил его еще утром: «Тебя не пустят, там охрана как в банковском хранилище. Звони сразу, пусть встречают».

Матвей, конечно же, не позвонил. Он вообще не привык пользоваться чужими советами. Зачем? Какие-то проблемы? Опять же, плевать.

Такая у него была жизненная философия. Простая. Плевать, куда поступать после школы. Плевать, кем работать. Плевать, что о нем думают люди. Иногда это «плевать» служило броней, а иногда становилось камнем, который тянул ко дну, но даже на это Матвею было плевать.

Он слез с велосипеда, пристегнул двухколесного друга тросиком с замком к фонарному столбу и быстрым шагом направился к зданию.

Здание окружала решетчатая ограда. У ворот стоял широкоплечий лысый охранник. Судя по мрачному лицу, он с самого рождения не испытывал ни удовольствия, ни радости и всем на свете был недоволен. В том числе и тем, что ему нужно было общаться с Матвеем.

— Пропуск?

Матвей помотал головой.

— У меня документы. Их передать надо. Светлане Юрьевне. Можно?

— Нельзя. Жди.

Охранник достал из кармана телефон, что-то негромко сказал в него, выслушал ответ. Снова посмотрел на Матвея.

— Жди.

Пришлось ждать. Матвей прислонился к ограде в паре метров от ворот и принялся рассматривать дом Севастьянова.

Здание напоминало нарядный праздничный пряник или торт с глазурью. Красивый торт, тут не поспоришь. Яркий, красочный — кондитеры, вернее строители, постарались. Фотографироваться на его фоне, наверное, и правда стоило. Но что-то знать о нем? Матвей пожал плечами.

Семнадцать лет. Следующий класс — выпускной. Впереди ЕГЭ, поступление в институт, взрослая жизнь — любое из этих слов казалось ему набором звуков, не имеющих смысла. Он жил как-то по инерции: школа, сериалы, игры на телефоне, редкие встречи с приятелями. Сейчас вот каникулы, подработка курьером. Какое ему дело до домов, пусть даже очень красивых и трижды исторических?

— Знаете ли вы, чей это дом?

За мгновение до того, как Матвей услышал вопрос, он почувствовал легкий холодок. Наверное, ветер.

Он повернулся. В паре шагов от него стоял старик, но не из тех, каких можно встретить на улице Екатеринбурга в обычный день. На нем была старомодная одежда из темного сукна. Сюртук — вспомнил Матвей. Кажется, это так называется. На голове — цилиндр. В руке — трость с серебряным набалдашником. Усы старика, пышные и седые, были аккуратно подкручены так, что кончики смотрели вверх, а лицо казалось вырезанным из старой фотографии — гладкое, бледное, с глазами, которые глядели не на Матвея, а сквозь него.

Парень на секунду растерялся, но потом решил, что это какой-то ряженный, аниматор. Плотинка в двух шагах,

а там и туристы, и местные, приехавшие погулять в центр. И те и другие с удовольствием фотографируются с Гарри Поттером, Железным Человеком или розовым единорогом, ловко передвигающимся на задних ногах.

Вот только аниматоры обычно не появляются из ниоткуда. Матвей услышал бы, как кто-то подходит. Но ни прохожих, ни машин, ни охранника, с которым он разговаривал несколько минут назад, ни даже привычного городского шума. Улица обезлюдела, замерла, как на фотографии, сделанной рано утром, и в этой тишине голос старика прозвучал особенно отчетливо.

— Чей дом? — переспросил Матвей, разглядывая странного незнакомца. — А мне-то какое дело?

Старик не сдвинулся с места и даже не моргнул. Казалось, он вообще не дышит.

— Я спрашиваю, — повторил он, — знаете ли вы, сударь, чей это дом?

Матвей пожал плечами.

— Плевать, — ответил он честно. — Для какого-то богача его построили, наверное. Но он все равно уже умер. Какая сейчас-то разница?

И тут случилось нечто, что заставило сердце Матвея пропустить удар. Старик улыбнулся — медленно, широко, радостно, будто услышал не дерзкий ответ подростка, а долгожданное известие о выигрыше в лотерее. Он кивнул, приподнял цилиндр в шутовском жесте, и Матвею вдруг показалось, что странный собеседник начал исчезать. Его сюртук стал бледнеть, приобретая сероватый оттенок...

— Эй, парень!

От ворот ему махал охранник. Он никуда не пропадал. Стоял там же, где Матвей его оставил. Улица снова наполнилась звуками, людьми: где-то сигналила машина,

женщина с коляской переходила дорогу, усатый мужичок в кепке прошел мимо, громко разговаривая по телефону.

— Парень, — недовольно повторил охранник. — Не тормози. Проходи, Светлана Юрьевна ждет.

Матвей кивнул, прошел в ворота, а потом обернулся, чтобы посмотреть на старика.

Вот только никакого старика не было. Сизый голубь важно вышагивал по ограде там, где недавно Матвей говорил с человеком, интересовавшимся, знает ли он, чей это дом.

— Да ладно, — пробормотал он. — Показалось. Конечно, показалось. Мало сплю. Волнуюсь из-за работы. Пью много кофе. А впрочем... Плевать.

На следующий день работа снова привела его на проспект Ленина. Опять срочный заказ, опять документы в резиденцию губернатора, опять пришлось немного подождать, пока охранник созвонится с кем-то, кто решает, пропустить Матвея или нет.

Сегодня все было быстрее. Он отдал бумаги, попрощался, вышел через ворота и уже направился к велосипеду, который, как и вчера, остался у фонарного столба, как вдруг почувствовал странное давление в горле. Будто кто-то невидимый сжал его голосовые связки, а потом резко отпустил, заставив рот открыться.

— Простите, вы не знаете, чей это дом? — услышал Матвей свой голос, произносящий слова, которые он не собирался говорить.

Он обращался к прохожему — парню лет двадцати в сером худи и наушниках-капельках. На плече тот небрежно держал небольшой рюкзак с брелоком в виде веселой капибары в жилетке и покачивал головой под музыку, которую Матвей не слышал.

— Чего? — Парень остановился, снял один наушник и уставился на Матвея с легким раздражением.

— Я спрашиваю, — продолжал Матвей, и ужас медленно поднимался от живота к горлу, потому что он не мог закрыть рот, он не мог остановиться, он не контролировал собственный язык, — вы знаете, чей это дом? Вот этот, с ротондой на углу?

Откуда он знает, что это называется ротондой? Может, он еще знает, что это ротонда дорического ордера, украшенная лепным фризом?! Господи, он и правда это знает!

Парень мельком глянул на здание, пожал плечами, словно Матвей спросил его о погоде на Марсе, и равнодушно бросил:

— Да пофиг, честно говоря. Не мой — и ладно.

Он вставил наушник обратно и пошел дальше.

Через секунду-другую Матвей почувствовал, как мышцы горла расслабились.

Чувствуя себя полным идиотом, он негромко сказал:

— Раз. Раз-раз. Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять.

Никаких проблем. Он говорил то, что хотел. Когда не хотел говорить — молчал.

«Просто нервное, — убеждал он себя, идя к велосипеду. — Стресс, сериалы далеко за полночь, опять много кофе с утра».

И тут его окликнул тонкий, чуть дребезжащий голос. Он обернулся и увидел пожилую женщину в серой куртке, которая, похоже, помнила еще девяностые. В одной руке женщина держала авоську, из которой выглядывала буханка черного хлеба.

— Молодой человек, вам помочь? Что-то ищите? Вы спрашивали что-то у того парня. Я, к сожалению, не расслышала, у меня слух уже не тот, — произнесла она, шурясь на солнце.

Матвей открыл рот, чтобы сказать: «Спасибо, но не обращайтесь внимания, все в порядке». Однако сказал он совсем другое. И опять услышал свои слова будто со стороны:

— Бабушка, а вы не знаете, чей это дом?

Женщина остановилась, приставила ладонь к глазам козырьком, всматриваясь в фасад дома Севастьянова, сиявший на солнце зелено-белой отделкой.

«И терракота, — подумал Матвей. — В отделке еще терракотовый цвет. Откуда я это знаю?»

— Ой, голубчик, не помню я, — сказала она наконец с легкой грустью в голосе. — Раньше там что-то было, магазины какие-то вроде и офисы, а потом переделали. Он государственный, наверное. Или не государственный. Кто ж теперь разберет?

Она улыбнулась ему теплой, чуть виноватой улыбкой, кивнула и побрела дальше, слегка припадая на левую ногу. Авоська мерно раскачивалась в такт ее шагам.

Матвей проводил ее взглядом и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он дошел до велосипеда, отстегнул замок, закинул ногу, поставив ступню на педаль. Сильно сжал руль — даже костяшки побелели. Простоял так несколько минут, пытаясь унять дрожь.

Но день только начинался, а работа есть работа.

К вечеру маршрут снова привел его в центр. Клиент забыл телефон в квартире у театра оперы и балета и хотел, чтобы Матвей забрал его и привез в башню «Исеть».

Парень надеялся как можно быстрее проскочить мимо дома Севастьянова, но судьба распорядилась иначе.

Девушка, чуть старше него, стояла у ограды, уткнувшись в телефон, и не заметила, как Матвей приблизился. Она была в длинном платье бежевого цвета и кедах. Волосы собраны в небрежный пучок, на шее — ярко-красный шелковый шарфик.

Матвей не собирался останавливаться. Но остановился, хоть с велосипеда и не слез. Услышал голос — собственный, но в то же время чужой, предательский:

— Извините, вы не знаете, чей это дом?

Девушка подняла голову, и в ее больших серых глазах мелькнуло удивление. Она не испугалась, не насторожилась, просто не поняла, почему незнакомый парень обращается к ней с таким странным вопросом.

— Простите, что? — переспросила она.

— Я спрашиваю, — сказал Матвей, и внутри у него все оборвалось, потому что он снова не мог замолчать, — вы знаете, чей это дом? Вот этот, красивый, с ротондой на углу?

Девушка оглянулась на здание, пожала плечами и ответила легко, почти беззаботно, словно речь шла о погоде или пробках:

— Не знаю, если честно. Я вообще не местная, приехала в Екатеринбург к родственникам в гости. А что, это какой-то знаменитый дом?

Она ждала ответа, но Матвей молчал. Похоже, задав вопрос один раз, он совершенно не обязан был повторять его, и можно было, пружинисто оттолкнувшись ногой от асфальта, крутить педали и ехать дальше.

В ту ночь Матвей плохо спал. Иногда ему удавалось забыться коротким сном, и тогда он видел старика в сюртуке. Знаете ли вы, чей это дом?.. чей это дом?.. чей это дом?.. знаете ли вы... чей, чей, чей... Вопрос звучал и звучал, словно сошедшее с ума эхо, гуляющее от края до края зелено-бело-терракотовой пещеры, стены которой подозрительно напоминали стены того самого дома.

К утру он кое-как убедил себя, что все это совпадение, просто воображение шутит шутки, и вообще — наплевать.

На следующий день Матвей специально выбрал маршрут мимо дома Севастьянова, хотя мог объехать. Ему нужно было проверить: вдруг вчерашнее было случайностью, галлюцинацией, которая пройдет сам собой.

У ограды неподалеку от угловой ротонды курил мужчина в синем рабочем жилете с нашивкой какой-то строительной фирмы. Он был невысоким, коренастым, а его красное лицо выдавало в нем человека, не понаслышке знакомого со вкусом дешевого табака и утренним похмельем.

— Доброе утро! — окликнул мужчину Матвей, и слова снова вылетели помимо его воли: — Вы не знаете, чей это дом?

Мужчина медленно повернулся, выпустил струю дыма в сторону и равнодушно бросил:

— Больше ничего не интересует? Точно не мой. А чей — меня не касается. Может, городской, может, частный.

Он затушил сигарету о край урны, сплюнул и зашагал прочь, насвистывая какую-то незамысловатую мелодию.

Через час Матвей опять оказался у этого проклятого здания — другой заказ, другой адрес, но центр есть центр, и так просто его не избежишь. Неподалеку на скамейке расположилась женщина с коляской. Она кормила ребенка из бутылочки и не обращала на прохожих никакого внимания.

Матвей хотел пройти мимо, честно хотел, даже ускорил шаг, но — да что за чертовщина! — он снова услышал свой голос, задающий все тот же вопрос:

— Извините, а вы не знаете, чей это дом?

Женщина подняла голову, улыбнулась — молодая, уставшая, с темными кругами под глазами, но, несмотря на это, очень красивая.

— Хороший дом, — сказала она. — Яркий. А чей — не знаю. Но явно для какого-нибудь богатого человека его построили. Не для нас с вами.

Она отвернулась к ребенку, поправила одеяльце, и Матвей понял, что разговор окончен.

За три дня — пятеро. Парень в наушниках. Старушка с авоськой. Девушка в платье. Мужик в синем жилете. Женщина с коляской. Что происходит? Кто заставляет его произносить эти слова?!

«Может, это вообще не имеет значения, — подумал он, пытаясь обмануть самого себя. — Может, я просто схожу с ума и никакой связи нет. И если подумать, что страшного-то? Ну задаю я вопрос, который не собирался задавать. Кому от этого хуже? Так что — плевать. Попробую расслабиться и забыть».

Вечером он решил лечь пораньше и спал, не видя снов.

Матвей проснулся с твердым решением: никакого центра, никакого дома Севастьянова, никаких странных вопросов. Он ловко перестраивал маршрут так, чтобы объехать проспект Ленина стороной, напоминал себе, что для бешеной собаки семь верст не крюк, сумел справиться со всеми заданиями, ни разу не приблизившись к проклятому зданию. Язык слушался его, как полагалось. Видимо, необоримое желание задавать этот дурацкий вопрос просыпалось, лишь когда он находился рядом с домом, видел его собственными глазами.

День прошел на удивление спокойно. Он развозил заказы, пообедал в бистро у вокзала, даже пошутил с Колей про странного старика в цилиндре. Коля посмеялся и сказал, что Матвею пора взять отпуск, потому что «ну, чувак, да у тебя уже глюки от работы». Матвей посмеялся в ответ, хотя знал, что никакой отпуск не полагается тому, кто устроился на работу пару недель назад.

Вечером он заказал пиццу с ананасами, устроился на продавленном диване и включил телевизор. Шли

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

